

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-96-105

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343

Дата поступления: 26.06.2024
рецензирования: 30.07.2024
принятия: 10.09.2024

**Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений:
нововведения в зарубежном уголовном законодательстве**

А. Н. Сунгатуллин

Казанский юридический институт МВД России, г. Казань, Российская Федерация
E-mail: ansngtx@mail.ru

Аннотация: В настоящей работе исследуются изменения уголовного законодательства некоторых зарубежных государств за период с 2017 по 2024 год. Нововведения охватывают самостоятельные составы преступлений, устанавливающие ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений. Ознакомление с изменениями в зарубежном законодательстве позволяет оценить природу термина «вовлечение» и его содержание с иных позиций. Положения зарубежного законодательства рассматриваются еще и в соотношении со ст. 150 УК РФ. Кроме того, автор описывает предпосылки возникновения законодательных инициатив в исследуемой области. Законодательство некоторых зарубежных государств не позволяет привлечь к ответственности взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений. Проблема связана с ограниченностью правовых положений о торговле людьми, в соответствии с которыми квалифицируются данные действия. Такой подход автор предлагает именовать «Палермской моделью» в соответствии с одноименным протоколом международно-правового характера в контексте противодействия торговле людьми. Констатируются несостоятельность такого подхода и перспективы формирования самостоятельных моделей охраны несовершеннолетних лиц от вовлечения в совершение преступлений. В заключение автор отмечает недостатки и преимущества рассмотренных примеров правового регулирования, их перспективный опыт и затрагивает проблему недостаточного межгосударственного взаимодействия по вопросам защиты детей в исследуемой области.

Ключевые слова: вовлечение; несовершеннолетний; преступная деятельность; зарубежное законодательство; Палермский протокол; вербовка; подстрекательство.

Цитирование. Сунгатуллин А. Н. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений: нововведения в зарубежном уголовном законодательстве // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 96–105. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-96-105>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

© Сунгатуллин А. Н., 2024

Айдар Наилевич Сунгатуллин – адъюнкт, Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 420108, Российская Федерация, г. Казань, ул. Магистральная, 35.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 26.06.2024
Revised: 30.07.2024
Accepted: 10.09.2024

**Involvement of minors in committing crimes: innovations in foreign criminal
legislation**

A. N. Sungatullin

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation
E-mail: ansngtx@mail.ru

Abstract: This work examines the changes in the criminal legislation of some foreign countries over the period from 2017 to 2024. The innovations cover independent elements of crimes that establish responsibility for involvement minors in the committing crimes. Familiarization with changes in foreign legislation allows us to evaluate the nature of the «involvement» construct and its content from a different perspective. The provisions of foreign legislation are also considered in relation to Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, the author describes the prerequisites for the emergence of legislative initiatives in the field under study. The legislation of some foreign countries does not allow for the prosecution of adults who involve minors in committing crimes. The problem is related to the limited legal provisions on human trafficking, according to which these actions are qualified. The author suggests calling this approach the «Palermo model», in accordance with the protocol of the same name of an international legal nature in the context of combating human trafficking. The inconsistency of this approach and the prospects for the formation of independent models of protection of minors from involvement in the commission of crimes are stated. In conclusion, the author cites the advantages and disadvantages of the considered examples of legal regulation, promising experience and the problem of insufficient interstate cooperation on child protection in the field under study.

Key words: involvement; minor; criminal activity; foreign legislation; Palermo Protocol; recruitment; incitement.

Citation. Sungatullin A. N. *Vovlechenie nesovershennoletnikh v sovershenie prestuplenii: novovvedeniya v zarubezhnom ugolovnom zakonodatel'stve* [Involvement of minors in committing crimes: innovations in foreign criminal legislation]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 96–105. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-96-105> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Sungatullin A. N., 2024

Aydar N. Sungatullin – postgraduate student, Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 35, Magistralnaya Street, Kazan, 420108, Russian Federation.

Особая охрана прав несовершеннолетних лиц является одной из важнейших задач современной юриспруденции и обеспечивается как на международно-правовом уровне, так и на уровне национального законодательства. Справедливым видится суждение о том, что дети находятся вне политики и для целей их особой защиты атрибуты правового статуса гражданина того или иного государства не имеют абсолютно никакого значения. При таком подходе вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступлений – актуальная и, что немаловажно, транснациональная проблема. К сожалению, на текущий момент разрешение данной проблемы не отличается единообразием подходов среди законодателей различных государств.

Актуальность темы исследования обусловлена высоким уровнем преступности среди подростков, необходимостью разработки новых подходов к защите несовершеннолетних и возможностью использования зарубежного опыта.

Предметом исследования выступают положения законодательства России, Австралии, Ирландии, Швеции, регламентирующие ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, научные исследования и информация СМИ.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных (абстрактно-логический, анализ, синтез и др.) и частнонаучных (идеографический, качественный контент-анализ, сравнительно-правовой и пр.) методов.

Научная новизна исследования заключается в обзоре относительно недавних изменений уголовного-законодательства Австралии, Ирландии, Швеции, а также их соотношение со ст. 150 УК РФ, устанавливающей ответственность за тождественное преступление. Кроме того, предпосылки законодательных инициатив, рассмотренные в статье, позволяют оценить современное состояние молодежной преступности с криминологических позиций.

Уголовно-правовая конструкция «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» известна отечественному уголовному законодательству и законодательствам стран постсоветского пространства в относительно сформированном виде уже более полувека. Впервые подобная конструкция возникла в УК РСФСР 1960 года (ст. 210 УК РСФСР «Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность»). На сегодняшний день статья 150 УК РФ продолжает совершенствоваться. Так, например, 29 мая 2024 года была представлена редакция ч. 4 указанной статьи, где появился новый особо квалифици-

рующий признак – «вовлечение в совершение трех и более преступлений небольшой и (или) средней тяжести»¹. Однако лишь совсем недавно в зарубежных государствах обратили внимание на действия взрослых лиц, направленные на вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, и стали рассматривать эту проблему с позиции новых правовых взглядов.

Так, молодежная преступность в Австралии всегда являлась острой проблемой. Достаточно длительное время австралийская система правосудия была направлена преимущественно на борьбу с несовершеннолетними преступниками, то есть со следствием, а не с причинами, поддерживающими высокий уровень преступности в данной области. Кроме того, система и структура ювенальной юстиции находятся под давлением общественности и СМИ. Как отмечает Н. Антолак-Сапер, «в частности, в период с 2016 по 2018 год газеты Herald Sun и The Age – две крупнейшие основные формы печатных СМИ в Мельбурне, столице Виктории, – уделяли особое внимание несовершеннолетним правонарушителям и системе правосудия по делам несовершеннолетних, последовательно призывая к «более жесткому» подходу к преступности, который должен быть принят как правительством штата, так и должностными лицами системы уголовного правосудия» [1, р. 106].

Критической точкой, определившей необходимость коренных изменений в системе ювенальной юстиции, стали события, ознаменовавшие празднование Дня Труда на ежегодном фестивале Мумба в южном пригороде Мельбурна 12 марта 2016 года. Массовые беспорядки, приведшие к применению полицией перцового спрея, закончились арестом нескольких десятков человек. Главный комиссар полиции штата Виктория Грэм Эштон обратил особое внимание на то, что возраст многих задержанных составлял менее 12 лет. Тогда ответственность за учинение беспорядков была возложена на группировку под названием «Арех», однако данное событие стало отправной точкой реформирования системы отправления правосудия в отношении молодежи².

¹ Федеральный закон от 29.05.2024 № 111-ФЗ «О внесении изменения в статью 150 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477326.

² Davey M. Melbourne street brawl blamed on Apex gang after Moomba festival // The Guardian. 13 Mar. 2016. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2016/mar/14/melbourne-street-brawl-blamed-on-apex-gang-after-moomba-festival> (дата обращения: 10.06.2024).

В конце 2016 года премьер штата Виктория Дэниел Эндрюс объявил о масштабном плане борьбы с преступностью. Кроме всего прочего, список реформ включал в себя еще и разработку нового состава преступления, связанного со «склонением молодых людей к совершению преступлений»³, законопроект о введении которого было запланировано внести в Парламент Виктории в 2017 году.

Вызвавший общественный резонанс закон Правительства Эндрюса получил неофициальное название «Закон Феджина», произошедшее от имени персонажа-антагониста романа Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста», который учил и заставлял беспризорных детей воровать для него в обмен на пищу и крышу над головой⁴.

Действующим на тот момент генеральным прокурором штата Виктория Мартином Пакулой 23 мая 2017 года в Парламент штата был уже ожидаемо внесен законопроект «О поправках к законодательству о детях и правосудии (реформа системы правосудия по делам несовершеннолетних)». Уже 8 июня 2017 года законопроект был принят в третьем чтении Законодательным собранием, однако Королевское согласие было получено только 26 сентября того года, и Закон №43/2017 был опубликован⁵.

Реформа предусматривала изменения как материального, так и процессуального права и содержала поправки в законы «О детях, молодежи и семьях» 2005 года, «О вынесении приговоров» 1991 года, «Об уголовном процессе» 2009 года, «Об исправительных учреждениях» 1986 года, «О залоге» 1977 года, «О преступлениях, преследуемых в порядке ускоренного судопроизводства» 1966 года. Однако ключевая в ракурсе нашего исследования поправка была внесена в Закон «О преступлениях» 1958 года и предусматривала возникновение нового раздела 11А части 1 указанного Закона.

Таким образом, введенным в действие разделом 11А вышеупомянутого закона была установлена ответственность за вербовку детей, то есть лиц младше 18 лет, для участия в преступной деятельности. Хотя законодателем используется такая формулировка, как «вербовка», речь идет именно о вовлечении в преступную деятельность, поскольку в пояснительной записке достаточно

развернуто уточняется, что именно следует понимать под вербовкой. Так, законодатель рассматривает упомянутую конструкцию как «подстрекательство, направление или побуждение», что очевидно находится за границами вербовки в понимании отечественного законодательства. Также в пояснительной записке указано, что под преступной деятельностью необходимо понимать «поведение, которое представляет собой преступление, наказуемое в соответствии с первым приговором лишением свободы пожизненно или на срок 5 лет и более», то есть вербовка для совершения не всякого преступления будет наказуема. На наш взгляд, подобный подход крайне непрактичен: «вербовка» подростка для совершения преступления, наказание за которое предусмотрено в пределах до 5 лет лишения свободы, по-прежнему остается безнаказанным деянием.

В разделе 321LB законопроекта уточняется, что лицо может быть признано виновным в совершении преступления вне зависимости от того:

а) занимается ли ребенок преступной деятельностью;

б) преследуется ли ребенок судом, или признан виновным в совершении какого-либо преступления.

Таким образом, для приведения виновного лица к уголовной ответственности в соответствии с положениями раздела 11А необходимость доведения преступного умысла до конца отсутствует. То есть фактически не имеет значения, совершил несовершеннолетний преступление под воздействием взрослого «наставника» или нет. Логика в регламентации именно такой конструкции действительно прослеживается. Бывший прокурор Виктории Мартин Пакула с принятием законопроекта уточнил, что «в Виктории уже есть наказание за подстрекательство, но полиция и прокуратура должны доказать, что конкретное преступление было совершено»⁶, но с введением нового состава преступления такая необходимость отпала.

Организованная преступность в Ирландии, в отличие от Австралии, имеет преимущественно клановый характер. Как справедливо указывает Дж. Виндл в контексте исследования особенностей ирландской организованной преступности, «в Ирландии существуют разнообразные криминальные структуры; однако структура “семья-банда” чаще всего упоминается в научных, медиа- и политических документах» [2, р. 137]. Разумеется, вовлечение несовершеннолетних в группировки, члены которой зачастую связаны между собой кровными узами, также представляет собой серьезную угрозу.

Еще в 2015 году Министерством юстиции и Департаментом по делам детей, равенства, инвалидности, интеграции и молодежи Ирландии

³ Sweeping reforms to crack down on youth crime // Official website of the Premier of Victoria. 05 Dec. 2016. URL: <https://www.premier.vic.gov.au/sweeping-reforms-crack-down-youth-crime> (дата обращения: 10.06.2024).

⁴ Fagin's Law: New Victorian offence to target adults procuring kids to commit crimes // ABC News. 05 Dec. 2016. URL: <https://www.abc.net.au/news/2016-12-05/fagins-law-targets-adults-getting-kids-to-commit-crime-victoria/8091696> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵ Children and justice legislation amendment (Youth justice reform) Act №43/2017, enacted 26 Sep. 2017 // Official website of the Victorian Government's Victorian Legislation. URL: <https://www.legislation.vic.gov.au/bills/children-and-justice-legislation-amendment-youth-justice-reform-bill-2017> (дата обращения: 10.06.2024).

⁶ Fagin's Law: New Victorian offence to target adults procuring kids to commit crimes // ABC News. 05 Dec. 2016. URL: <https://www.abc.net.au/news/2016-12-05/fagins-law-targets-adults-getting-kids-to-commit-crime-victoria/8091696> (дата обращения: 10.06.2024).

в партнерстве с юридическим факультетом Университета Лимерика был запущен так называемый «Гринтаунский проект»⁷, целью которого стала индикация преступных сетей и их воздействия на подростков. Этап подготовки и сбора материалов для проведения исследования берет свое начало еще раньше – с 2010 года. Сущность исследования состояла в обнаружении устойчивых связей между подростками, неоднократно попадавшими в поле зрения полиции, и взрослыми преступниками, а также закономерностей и характера подобных связей. В представленном отчете об исследовании указано, что «криминальная сеть, существовавшая в Гринтауне в 2010–2011 годах, носила иерархический характер и управлялась «ядром», основанным на семейно-родственных отношениях» [3, р. 6]. Указанное исследование позволило составить схему взаимосвязей между членами преступной сети, затем во взаимодействии с местными правоохранительными органами, сотрудниками которых использовали «полицейский» вариант схемы взаимосвязей преступной сети, эксперты, имея вариант схемы, включавший в себя лишь возраст и идентификационный номер члена данной сети, выявили уязвимости сети и преимущества, которые членство в ней несли для подростков.

Исследование «Гринтауна» поставило серьезный вопрос перед национальными властями: «предположение о том, что взрослые в сети, по-видимому, активно вербуют и подталкивают некоторых детей к преступной деятельности в сочетании с отсутствием воспитания и защиты заставляет власти задуматься о том, требуются ли в таких случаях законодательные меры правовой защиты» [3, р. 50].

После принятия «Закона Феджина» в Австралии позиция о необходимости внесения подобных изменений в ирландское законодательство получила не только внешнюю аргументацию, но и укрепилась внутренними доводами. Так, 7 декабря 2017 года был опубликован 10-й ежегодный отчет Специального докладчика по вопросам защиты детей профессора Джефффри Шеннона, в разделе 4.3 которого профессор Шеннон упоминает австралийский опыт, подчеркивает наличие уязвимостей национального законодательства и рекомендует разработать и ввести собственный «Закон Феджина»⁸.

Спустя 3 месяца, 7 марта 2018 года, на рассмотрение в Палату Представителей Национального Парламента Ирландии одним из членов Парламента Энн Рэббит был внесен Законопроект № 27 в области уголовного права, предусматривавший разработку состава преступления, регла-

ментирующего ответственность за вербовку несовершеннолетнего для совершения преступления. Законопроект практически в точности дублировал положения австралийского «Закона Феджина». Единственное значительное отличие состояло в том, что, помимо составляющих «подстрекательство», «направление» и «побуждение», понятие «вербовка» охватывало еще и «обеспечение»⁹. Как нам кажется, речь идет об обеспечении средствами или орудиями совершения преступления.

Ввиду того что в январе 2020 года Парламент Ирландии 32-го созыва был распущен президентом Хиггинсом, планы по реализации законопроекта №27/2018 не состоялись.

В этом же году исследователи, пролонгировавшие соглашение на проведение дальнейшей работы в рамках серии «Гринтаунского проекта», публикуют сразу два исследования, раскрывающие закономерности формирования и функционирования, а также структуру местных преступных сетей в «Рэдтауне»¹⁰ и «Блютауне»¹¹. Акцент в обоих исследованиях был сделан на более серьезных и систематических преступлениях, нежели в первом исследовании серии.

Так, при исследовании преступной сети «Рэдтауна» команда ученых под руководством доктора Шона Рэдмонда на основании количества связей и совершаемых преступлений выявила трех 16-летних мальчиков, члены семей которых также состояли в структуре местной преступной сети [4, р. 19]. Кроме того, в контексте данного исследования ученые выявили комплекс факторов, влияющих на участие подростков в деятельности преступной сети. К таким факторам, в частности, относятся неблагоприятный опыт, нормализация преступного поведения и отверженность от общества. К. Нотон, Ш. Рэммонд и Э. О’Мира Дэли указывают, что «некоторые дома молодых людей назывались “домами открытых дверей” – с частым вовлечением в преступную деятельность» [4, р. 20].

Исследование криминальной составляющей одного из районов Дублина, названного «Блютаун», позволило выявить сразу четыре взаимосвязанные, но относительно автономные преступные сети. Одно из ключевых предположений, по мнению ученых-исследователей, состоит в том, что «молодые люди, вовлеченные в преступные сети, начинали с мелких правонарушений, а затем стали участвовать в более серьезных преступлениях против собственности, таких как кражи со взломом в Сетях 1, 2 и 3 и торговля наркотиками в Сети 4» [5, р. 47]. Такое

⁹ Criminal law (Recruitment of children to engage in criminal activity) Bill №27 of 2018, initiated 7 Mar. 2018 // Official website of the National Parliament of the Republic of Ireland. URL: <https://www.oireachtas.ie/en/bills/bill/2018/27> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁰ «Рэдтаун» – вымышленное название существующего района одного из городов Ирландии, находящегося за пределами Дублина, с населением от 20 000 до 30 000 человек.

¹¹ «Блютаун» – вымышленное название существующего района Дублина с населением от 70.000 до 80.000 человек.

⁷ «Гринтаун» – вымышленное название существующего района одного из городов Ирландии, находящегося за пределами Дублина, с населением от 50 000 до 60 000 человек.

⁸ Tenth report of the special rapporteur on child protection. Special rapporteur: Prof. Geoffrey Shannon: official text // Official website of the Government of the republic of Ireland. URL: <https://assets.gov.ie/27443/7fbed34559d44634a31593372e47882c.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).

предположение ведет к выводу, что вовлечение подростка в преступную сеть со временем приводит к большей криминализации личности последнего.

Таким образом, криминальные связи, закономерности и специфика преступлений, в совершение которых чаще всего вовлекаются ирландские подростки, были тщательным образом проанализированы учеными из Университета Лимерика на примере наиболее репрезентативных административно-территориальных единиц, что, впрочем, сказалось на дальнейшей законодательной деятельности в этой области не сразу.

23 января 2023 года министром юстиции Ирландии Хелен МакЭнти на рассмотрение в Парламент Ирландии был внесен законопроект № 4, предусматривающий регламентацию ответственности за вовлечение детей в преступную деятельность. Совсем недавно, а именно 11 марта 2024 года, законопроект был подписан президентом Ирландии и вступил в законную силу.

Новый «Закон Феджина» был подвергнут терминологическим изменениям, а в частности:

1) используемый ранее термин «вербовка» был заменен термином «вовлечение»;

2) законодатель выделил следующие наказуемые действия, направленные на вовлечение ребенка в преступную деятельность:

1-я группа:

а) убеждение, принуждение или направление ребенка;

б) обман ребенка;

2-я группа:

а) подстрекательство или предложение (совершить преступление);

б) помощь, поощрение, дача советов, обеспечение (средствами или орудиями совершения преступления).

Кроме того, законодатель отметил, что взрослый может быть признан виновным в совершении указанного преступления вне зависимости от того:

а) принимал ли ребенок участие в соответствующей преступной деятельности;

б) намеревался ли ребенок принять участие в соответствующей преступной деятельности;

в) был ли ребенок привлечен к ответственности или признан виновным за совершение любого преступления, составляющего соответствующую преступную деятельность.

Кроме того, были подвергнуты корректировке и размеры наказания. Так, если изначально верхнюю границу наказания в виде лишения свободы предполагалось установить в размере 10 лет, то максимальный срок по принятому закону составляет всего 5 лет.

Законодатель обращает внимание на то, что в случае осуждения в порядке ускоренного производства виновное лицо приговаривается к уплате штрафа класса А, который в соответствии с Законом Ирландии «О штрафах» не превышает

6 тысяч евро¹², и (или) тюремному заключению на срок, не превышающий 12 месяцев. В случае если лицо было осуждено по обвинительному заключению, наказание установлено в виде штрафа, размеры которого не уточняются, и (или) тюремного заключения на срок до 5 лет¹³.

Необходимо отметить, что на рассматриваемую нами проблему обратили внимание и в Швеции. В настоящий момент вовлечение несовершеннолетних шведов в преступную деятельность связано с активностью преступных группировок. Преступная деятельность, в которую вовлекаются шведские подростки, заключается в том числе и в участии последних в совершении убийств с применением огнестрельного оружия. По оценкам The Guardian, со ссылкой на статистические данные Шведского национального совета по предупреждению преступности, доля лиц в возрасте от 15 до 20 лет, подозреваемых в убийствах и непредумышленных убийствах с применением огнестрельного оружия, за последние 10 лет возросла почти вдвое: с 23,6 % в 2012 году до 45,1 % в 2022 году. Подобное «омоложение» преступников наблюдается и в общей структуре насильственной преступности в Швеции¹⁴.

Зачастую в Швеции убийства совершаются подростками по заказу или по указанию опытных преступников в качестве ритуала инициации в члены криминальной субкультуры. В контексте заказных убийств один из собеседников информационного агентства Sky News и также участник одной из уличных группировок, чье настоящее имя не раскрывается, заявляет, что «теперь убивают все, поэтому цены настолько низкие»¹⁵, имея в виду стоимость соответствующей услуги.

Правительство Швеции, на наш взгляд, вполне рационально оценивает существующие проблемы в рамках организации деятельности системы ювенальной юстиции. Так, Дж. Сандхолл, С. Хиллен в контексте анализа соглашения о борьбе с организованной преступностью, принятого в 2022 году политическими партиями шведского Парламента,

¹² Fines act of the Republic of Ireland №8 of 2010, Updated to 11 Jan. 2016 // Official website of the Law Reform Commission of the Republic of Ireland. URL: https://www.lawreform.ie/fileupload/RevisedActs/WithAnnotations/HTML/en_act_2010_0008.htm#:~:text=AN%20ACT%20TO%20MAKE%20PROVISION%2CFINANCIAL%20CIRCUMSTANCES%3B%20TO%20PROVIDE%20FOR (дата обращения: 10.06.2024).

¹³ Criminal justice (Engagement of children in criminal activity) Act №8 of 2024, enacted 11 Mar. 2024 // Official website of the National Parliament of the Republic of Ireland. URL: <https://www.oireachtas.ie/en/bills/bill/2023/4>.

¹⁴ Sunnemark V. How gang violence took hold of Sweden – in five charts // The Guardian. 30 Nov. 2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/nov/30/how-gang-violence-took-hold-of-sweden-in-five-charts> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁵ Robbins S., Neuhof F. Bombs and bullets: Sweden's deadly gang war // Sky News. 2 Apr. 2024. URL: <https://news.sky.com/story/swedens-deadly-gang-war-has-turned-peaceful-country-into-murder-hotspot-13071608> (дата обращения: 10.06.2024).

отмечают, что «дискурс о том, что детям должна быть предоставлена особая защита в силу их возраста скоро будет заменен дискурсом, который не учитывает зависимое положение детей, а приравнивает их ко взрослым, тем самым делая незаметным дисбаланс сил между детьми и взрослыми» [6, р. 5], подчеркивая радикальность грядущих изменений. В частности, инициативы касаются создания специальных тюрем для подростков, перемещение их в общие тюрьмы при достижении совершеннолетия, повышение возраста уголовной ответственности и других аспектов, которые в Швеции на данный момент не урегулированы.

На фоне неутешительных показателей в сфере молодежной преступности ответственность за вовлечение несовершеннолетних лиц в преступную деятельность в форме самостоятельного состава преступления возникла в Швеции в прошлом году. 1 июля 2023 года вступили в силу положения Закона 2023:257 о внесении изменений в национальный Уголовный кодекс, принятые в мае того же года, в соответствии с которыми, в частности, появился совершенно новый и неизвестный ранее шведской юриспруденции состав преступления, ответственность за совершение которого на данный момент предусмотрена § 5а главы 16 («Преступления против общественного порядка») УК Швеции.

Виновным в совершении преступления, ответственность за которое установлена § 5а главы 16 УК Швеции, признается лицо, которое нанимает, платит, поручает или передает имущество любому лицу, не достигшему восемнадцатилетнего возраста и тем самым или любым подобным образом вовлекает его или ее в совершение преступления или преступную деятельность. Наказание установлено в виде тюремного заключения на срок до 4 лет.

Кроме того, шведский законодатель традиционно для составов преступлений, направленных на защиту прав и интересов несовершеннолетних лиц, уточняет, что в случае, если разница в возрасте или развитии между лицом, совершившим деяние, и другим лицом незначительна, такое лицо не подлежит ответственности.¹⁶

Детерминация возникновения уголовно-правовых новелл, регламентирующих ответственность за вовлечение несовершеннолетних лиц в преступную деятельность, сводится к следствию увеличения случаев подобного характера в рассмотренных государствах. Данное обстоятельство, не умаляя специфики детерминант таких изменений, не позволяет отнести наличие указанной проблемы к пробелам конкретной системы борьбы с преступностью, а позволяет лишь констатировать уязвимость всего современного общества.

На текущий момент за пределами постсоветского пространства редкий законодатель использует

самостоятельное конструктивное обозначение действий, направленных на вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступлений. Дело в том, что по законодательству многих зарубежных государств, в особенности европейских, подобного рода действия признаются фактами торговли людьми. Целесообразно называть такой подход «Палермской моделью», поскольку он основан на положениях протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, также известного как Палермский протокол. Так, в ст. 3 Палермского протокола установлено, что торговля людьми означает «осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо»¹⁷.

Директивой Европейского Парламента и Совета Европейского Союза «О предупреждении и противодействии торговле людьми, о защите пострадавших...», а в частности ст. 2, положения Палермского протокола уточняются в том, что «эксплуатация в целях совершения преступлений» также относится к преступлениям, связанным с торговлей людьми¹⁸.

Ключевое отличие «Палермской модели» от самостоятельных уголовно-правовых положений, криминализирующих вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступлений или даже антиобщественных действий, заключается в том, что в первом случае воля лица, на которое направлено воздействие, подавлена – у него нет возможности отказаться от совершения соответствующих действий, во втором же случае такая возможность у него есть.

В таком контексте, помимо рассмотренного нами опыта законодательной регламентации в Австралии, Ирландии и Швеции, следовало бы упомянуть, например, опыт Германии (§ 233 УК ФРГ – «Эксплуатация рабочей силы») [7, с. 336–337], однако лишь в целях общего дискурса, поскольку «эксплуатация» в данном случае не является самостоятельной конструктивной формой,

¹⁷ Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказания за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности: принят резолюцией 55/25 Ген. Ассамблеи 15 нояб. 2000 г. // ИПО «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12126240/> (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁸ О предупреждении и противодействии торговле людьми, о защите пострадавших и о замене Рамочного решения Совета ЕС 2002/629/ПВД: Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 5 апреля 2011 г. № 2011/36/ЕС // ИПО «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70170068> (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁶ Lag 2023:257 om ändring i brottsbalken // Officiell webbplats för register över lagar och förordningar i Svensk författningssamling. URL: <https://svenskforfattningssamling.se/doc/2023257.html> (дата обращения: 07.06.2024).

обеспечивающей охрану общественных отношений в исследуемой нами области.

Т. Барч и другие, оценивая положения § 233 национального уголовного кодекса, подчеркивают, что «она криминализирует тех преступников, которые находятся на конце цепочки (торговли людьми) и которые эксплуатируют труд жертв и таким образом получают прибыль от торговли людьми», а также отмечают ключевое отличие от состава преступления, сконструированного в соответствии с Палермским протоколом: «...поведение, предусмотренное статьей 233, в отличие от статьи 232b, не представляет собой несправедливого воздействия на желание потерпевшего начать или продолжать такую деятельность в первую очередь» [8, S. 21].

Э. Кокбейн, К. Бауэрс и Г. Димитрова, рассуждая о несогласованности законодательства государств в области торговли людьми, справедливо указывают, что «существуют особые расхождения в том, охватывает ли этот термин эксплуатацию в криминальной сфере (например, карманные кражи, выращивание каннабиса) и/или в домашней сфере (домашний подневольный труд)» [9, p. 322].

Очень точно, как нам кажется, подобное положение дел отражено в позиции Министерства юстиции Швеции. Так, в пояснительной записке к законопроекту 2022/23:53 указано: «Не существует более всеобъемлющей системы уголовного права, отвечающей интересам общества в том, чтобы молодые люди не были вовлечены в преступную деятельность, а есть лишь ограниченные возможности применения уголовных положений, касающихся торговли людьми и незаконного принуждения»¹⁹.

Большинство зарубежных государств находится в аналогичном состоянии, выраженном в отсутствии какой-либо возможности привлечь к уголовной ответственности лицо, вовлекшее подростка в совершение преступления. Взрослый несет ответственность лишь за свое участие в противоправном деянии, если речь не идет о тех формах принуждения, которые фактически относятся к положениям о торговле людьми.

Вероятно, в Республике Ирландия при принятии так называемого «Закона Феджина» руководствовались приблизительно такими же доводами. Так, Эми Э. Хили в контексте сравнительного исследования правоприменения законодательства о торговле людьми в Республике Ирландия и в Северной Ирландии, отмечает: «В Республике Ирландия дети, эксплуатируемые в преступных целях криминальными группировками, не считаются жертвами торговли людьми, хотя эти дети могут быть признаны жертвами торговли людьми на основании Палермского протокола» [10, p. 7]. Это лишь подчеркивает преимущества принятых недавно поправок.

Так, проведенное нами исследование относительно изменений в уголовном законодательстве ряда государств (Австралия, Ирландия, Швеция) позволяет проанализировать их еще в сравнении с положениями ст. 150 УК РФ (см. таблицу).

Как следует из содержания таблицы, в отечественном законодательстве объект исследуемого преступления обозначен, как нам кажется, наиболее характерным для данного нарушения образом, тогда как в Швеции объектом выступает общественный порядок. В теории уголовного права Ирландии отсутствует понятие объекта преступления, ввиду чего оценить приоритетные общественные отношения, на охрану которых направлены соответствующие положения уголовного законодательства, мы не можем. В Австралии также не определен объект преступления, однако причиной тому выступает специальный характер положений о вербовке ребенка для участия в преступной деятельности по отношению к подстрекательству. Данное обстоятельство указывает на отличную от законодательства сравниваемых государств природу уголовно-правовой конструкции, используемой австралийским законодателем.

Субъектом преступления в Австралии выступает лицо, достигшее 21 года. Логика такого решения совершенно неочевидна, особенно учитывая тот факт, что дети старше 10 лет в Австралии уже несут уголовную ответственность, и это обстоятельство вызывает критику, в том числе и со стороны политиков. Во всех остальных случаях субъектом преступления выступает лицо, достигшее 18 лет, однако в исключительных случаях в Швеции предусмотрено изъятие из положений уголовного кодекса, что является достаточно традиционным правилом шведского законодателя для статей, потерпевшими по которым выступают несовершеннолетние.

Очевидно, что действия, составляющие объективную сторону преступления, не совпадают как минимум по причине безэквивалентности ряда терминов. В этом смысле наиболее состоятельным является, как нам кажется, подход сохранения открытого перечня наказуемых действий, как это представлено в законодательстве Швеции. При этом нельзя не отметить и широкий смысл, который могут нести формы выражения вербовки в Австралии, и достаточно исчерпывающий перечень наказуемых действий, предусмотренных в ирландском законе.

Отечественное понимание вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления по субъективной стороне ограничивается лишь прямым умыслом, что согласуется с пониманием австралийского законодателя, тогда как по законодательству Ирландии и Швеции совершение указанных преступлений возможно и по неосторожности. В данном случае неосторожность не является классической согласно теории отечественного уголовного права, то есть проявляется она не по отношению к содержанию последующей деятельности подростка, а по отношению к определе-

¹⁹ Prop. 2022/23:53. Skärpta straff för brott i kriminella nätverk // Sveriges Riksdag. URL: <https://data.riksdagen.se/fil/A409E0B0-B3B5-40F3-8D17-13D009BC6196> (дата обращения: 07.06.2024).

Таблица – Сравнительная таблица положений уголовного законодательства России, Австралии, Ирландии и Швеции, обеспечивающих охрану несовершеннолетних лиц от вовлечения в совершение преступлений

Table – Comparative table of provisions of the criminal legislation of Russia, Australia, Ireland and Sweden, ensuring the protection of minors from involvement in committing crimes

Страны	Россия	Австралия	Ирландия	Швеция
Положение законодательства	Ст. 150 УК РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»)	Раздел 11а Закона о преступлениях 1958 г. («Вербовка ребенка для участия в преступной деятельности»)	Закон об уголовном правосудии (Вовлечение детей в преступную деятельность) 2024 года	§5а главы 16 УК Швеции («Вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность»)
Объект преступления	Общественные отношения, связанные с обеспечением нормального физического развития и нравственного воспитания несовершеннолетних	Объект не определен, поскольку преступление является разновидностью подстрекательства	В теории уголовного права отсутствует понятие объекта преступления	Общественный порядок
Субъект преступления	Физическое, вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста	Лицо, достигшее 21-летнего возраста	Лицо, достигшее 18-летнего возраста	Лицо, достигшее 18-летнего возраста, однако если причастность, принимая во внимание небольшую разницу в возрасте или развитии между лицом, совершившим деяние, и другим лицом незначительна, то такое лицо не подлежит ответственности
Объективная сторона	Действия, направленные на возбуждение желания совершить преступление, выражаемые как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление, разжигания чувства зависти, мести и иные действия	Действия, направленные на вербовку для участия в преступной деятельности, могут быть выражены в форме подстрекательства, направления или побуждения	Действия, направленные на вовлечение в преступную деятельность, могут быть выражены в форме: а) убеждения, принуждения или направления; б) обмана; в) подстрекательства или предложения (совершить преступление); г) помощи, поощрения, дачи советов, обеспечения (средствами или орудиями совершения преступления)	Действия, направленные на вовлечение в преступную деятельность, могут быть выражены в форме найма, оплаты, указаний, или передачи имущества и иных действиях подобного характера
Субъективная сторона	Прямой умысел (взрослый осознает, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления)	Прямой умысел (взрослый знает, что ребенок будет участвовать в преступной деятельности, которая является предметом вербовки)	Умысел или неосторожность (взрослый знает, что лицо является ребенком, или проявляет неосторожность относительно возраста вовлекаемого лица и осуществляет действия, предусмотренные объективной стороной с целью вовлечь ребенка в преступную деятельность)	Умысел или неосторожность (взрослый знает, что указанными действиями вовлекает несовершеннолетнего в преступную деятельность, или не имеет намерения, но проявляет неосторожность в отношении того, что другое лицо не достигло восемнадцатилетнего возраста)
Наказание	Лишение свободы на срок до 5 лет	Лишение свободы на срок до 5 лет	1) При осуждении в порядке ускоренного производства – штраф до 6 тысяч евро и (или) тюремное заключение на срок до 12 месяцев; 2) При осуждении в общем порядке – штраф и (или) тюремное заключение на срок до 5 лет	Тюремное заключение на срок до 4 лет

нию его возраста. Иными словами, лицо, которому не было достоверно известно о возрасте вовлекаемого им в преступную деятельность подростка, но которое должно было удостовериться в совершеннолетия последнего, несет ответственность на общих основаниях. Несмотря на неклассическую форму неосторожности, данное обстоятельство указано нами не номинально: согласно абз. 2 п. 42 Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»²⁰, взрослый не может привлекаться к ответственности по ст. 150 УК РФ, если он не знал о несовершеннолетии вовлеченного лица.

Сроки основных наказаний при соотношении исследуемых положений отечественного и зарубежного законодательства примерно согласуются, хотя в Швеции верхняя граница продолжительности срока тюремного заключения предусмотрена

²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // ИПО «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12182757> (дата обращения: 07.06.2024).

на год меньше, чем в других государствах. С положительной стороны хотелось бы отметить тот факт, что законодательство Ирландии за вовлечение ребенка в преступную деятельность предусматривает денежное взыскание в виде штрафа как альтернативу наказанию в виде тюремного заключения, а также как дополнение к основному наказанию.

Правовые изменения, подобные тем, что были рассмотрены нами в данном исследовании, – совершенно закономерный процесс, поскольку область преступности, связанная с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений, как становится ясно из анализа зарубежных научных исследований, информации в зарубежных СМИ и законотворческой деятельности, крайне актуальна в совершенно разных точках мира. Данное исследование позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, законодательные меры реагирования такого характера зависят от специфики и структуры местной преступности и принимаются вследствие совершенно разных предпосылок. При этом ключевые детерминанты, как нам кажется, в некотором смысле являются точкой нетерпимости системы правосудия. К таким посылкам, в

частности, относятся участие несовершеннолетних лиц в массовых беспорядках и насильственных преступлениях (Австралия), деятельности клановых преступных сетей (Ирландия) или даже совершение подростками заказных убийств и иных преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия (Швеция).

Во-вторых, хотелось бы с положительной стороны отметить вектор отступления от «Палермской модели» квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений. В современных условиях использование указанной модели ограничивается положениями о торговле людьми и является нецелесообразным в контексте правовой защиты несовершеннолетних лиц в исследуемой нами области. Разумеется, здесь следует говорить лишь об определенной категории стран. Данная позиция сводится к той части государств, ратифицировавших Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности и, собственно, протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, в законодательстве которых до сих пор не появился самостоятельный состав преступления, обеспечивающий охрану несовершеннолетних от вовлечения в совершение преступлений.

В-третьих, еще одним аспектом, который нельзя рассматривать однозначно – положительно или отрицательно, – является природа конструкции «вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность». Если в случае со ст. 150 УК РФ и §5а гл. 16 УК Швеции преступления самостоятельны в своем выражении, то раздел 11А Закона о преступлениях Австралии является специальной нормой по отношению к положениям о подстрекательстве. Такой взгляд имеет место и в отечественной науке, хотя «вовлечение» законодательно является обособленной от положений о подстрекательстве конструкцией.

В-четвертых, размышления о предпосылках принятия соответствующих законов позволяют нам отметить положительный опыт Ирландии в контексте проведенных исследований (серия исследований «Гринтаунский проект»). Учитывая, что в России по-прежнему имеют место не только частные случаи вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, но и деятельность преступных группировок, такой подход следовало бы заимствовать, более подробно изучив методологию и структуру деятельности исследователей и правоохранительных органов в рамках работы над

«Гринтауном». Проведение исследования подобного характера позволило бы системе правосудия определить устойчивые связи между ключевыми звеньями молодежной преступности в пределах репрезентативных административно-территориальных единиц, специфические закономерности организации и функционирования преступных структур, а затем и более целенаправленно противодействовать преступности в данной сфере.

В-пятых, хотелось бы отметить, что правотворчество в этой области, по нашему мнению, на фоне отечественного законодательства содержит ряд недостатков. Например, в соответствии с австралийским законодательством лицо, завербовавшее подростка для участия в деятельности, наказание за которую предусмотрено в пределах до 5 лет, не будет нести уголовную ответственность. Другим недостатком можно считать особенности отражения объективной стороны, ее ограниченность (Австралия), закрытый характер (Австралия, Ирландия). Кроме того, повышенный возраст субъекта вербовки (21 год) в Австралии, учитывая возраст уголовной ответственности (10 лет) и возраст совершеннолетия (18 лет) в стране, как нам кажется, неоправданное решение национального законодателя.

В-шестых, вкупе с указанными недостатками зарубежного правотворчества, нельзя не отметить и особенности субъективной стороны вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность, которые в Ирландии и Швеции предполагают осторожность по отношению к возрасту вовлеченного в преступную деятельность лица. Такой подход, на наш взгляд, является наиболее корректным, поскольку ответственность наступает в соответствии с фактическими обстоятельствами, то есть несовершеннолетнее лицо было вовлечено в преступную деятельность.

В-седьмых, следует выделить в качестве недостатка общего характера несогласованность терминологии, конструкции построения уголовно-правовых норм исследуемого характера. Налаживание связей международного сообщества по вопросам защиты детей от вовлечения их в преступную деятельность позволит унифицировать терминологию, сформировать устойчивое международное научное и политическое сообщество, специализирующееся на решении тождественных вопросов, и совместно разрабатывать стратегии противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность.

Библиографический список

1. Antolak-Saper N. The Adultification of the Youth Justice System: The Victorian Experience // *Law in Context*. 2020. Vol. 37, issue 1. P. 99–113. DOI: 10.26826/law-in-context.v37i1.118.
2. Windle J. Five Areas Which Make the Irish Organized Crime Milieu Distinctive // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2023. Vol. 39, issue 1. P. 133–152. DOI: <https://doi.org/10.1177/10439862221138683>.
3. Redmond S. Lifting the Lid on Greentown – Why we should be concerned about the influence criminal networks have on children's offending behaviour in Ireland. Dublin: Government Publications, 2016. 68 p. URL: <https://greentownproject.wordpress.com>.

4. Naughton C., Redmond S., Daly Eoin O'Meara. Lifting the Lid on Redtown – A replication case study, which investigates the contribution of engagement in a local criminal network to young people's more serious and persistent offending patterns. Dublin: Government Publications, 2020. 60 p. URL: <https://www.drugsandalcohol.ie/33693/1/UL-Redtown-070520.pdf>.
5. Naughton C., Redmond S., Daly Eoin O'Meara. Lifting the Lid on Bluetown – A replication case study, which investigates the contribution of engagement in a local criminal network to young people's more serious and persistent offending patterns. Dublin: Government Publications, 2020. 64 p. URL: <https://www.drugsandalcohol.ie/33694/1/UL-Bluetown-070520.pdf>.
6. Sundhall J., Hillén S. The Punishable Child in Sweden – The Tidö Agreement from a Children's Rights Perspective // *Social Sciences*. 2024. Vol. 13, no. 4. P. 215. DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci13040215>.
7. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия: Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам: Издательство Университета Потсдама, 2021. 492 с. URL: <https://crimescience.ru/wp-content/uploads/2020/05/Головненков-П.В.-Уголовное-уложение-ФРГ-научно-практический-комментарий-и-текст-закона-2021.pdf>.
8. Bartsch T., Greven Nora L., Schierholt J. [u.a.] Evaluierung der Strafvorschriften zur Bekämpfung des Menschenhandels (§§ 232 bis 233a StGB) // *Interdisziplinäre Beiträge zur Kriminologischen Forschung*. 2022. Vol. 53. 215 S. DOI: <http://doi.org/10.5771/9783748931386>.
9. Cockbain E., Bowers K., Dimitrova G. Human trafficking for labour exploitation: the results of a two-phase systematic review mapping the European evidence base and synthesising key scientific research evidence // *Journal of Experimental Criminology*. 2018. Vol. 14, no. 3. P. 319–360. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11292-017-9321-3>.
10. Healy A.E. Identifying victims of human trafficking across the island of Ireland: Who counts? Who's counting? Who wants to be counted? // *Criminology & Criminal Justice*. 2024. DOI: <https://doi.org/10.1177/17488958241252955>.

References

1. Antolak-Saper N. The Adultification of the Youth Justice System: The Victorian Experience. *Law in Context*, 2020, vol. 37, issue 1, pp. 99–113. DOI: 10.26826/law-in-context.v37i1.118.
2. Windle J. Five Areas Which Make the Irish Organized Crime Milieu Distinctive. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 2023, vol. 39, issue 1, pp. 133–152. DOI: <https://doi.org/10.1177/10439862221138683>.
3. Redmond S. Lifting the Lid on Greentown – Why we should be concerned about the influence criminal networks have on children's offending behaviour in Ireland. Dublin: Government Publications, 2016, 68 p. Available at: <https://greentownproject.wordpress.com/>.
4. Naughton C., Redmond S., Daly Eoin O'Meara. Lifting the Lid on Redtown – A replication case study, which investigates the contribution of engagement in a local criminal network to young people's more serious and persistent offending patterns. Dublin: Government Publications, 2020, 60 p. Available at: <https://www.drugsandalcohol.ie/33693/1/UL-Redtown-070520.pdf>.
5. Naughton C., Redmond S., Daly Eoin O'Meara. Lifting the Lid on Bluetown – A replication case study, which investigates the contribution of engagement in a local criminal network to young people's more serious and persistent offending patterns. Dublin: Government Publications, 2020, 64 p. Available at: <https://www.drugsandalcohol.ie/33694/1/UL-Bluetown-070520.pdf>.
6. Sundhall J., Hillén S. The Punishable Child in Sweden – The Tidö Agreement from a Children's Rights Perspective. *Social Sciences*, 2024, vol. 13, no. 4, p. 215. DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci13040215>.
7. Golovnenkov P. V. *Ugolovnoe ulozhenie Federativnoi Respubliki Germaniya: Nauchno-prakticheskii kommentarii i perevod teksta zakona* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany: Research and practical commentary and translation of the text of the law]. Potsdam: Izdatel'stvo Universiteta Potsdama, 2021, 492 p. Available at: <https://crimescience.ru/wp-content/uploads/2020/05/Головненков-П.В.-Уголовное-уложение-ФРГ-научно-практический-комментарий-и-текст-закона-2021.pdf> [in Russian].
8. Bartsch T., Greven Nora L., Schierholt J. [u. a.] Evaluierung der Strafvorschriften zur Bekämpfung des Menschenhandels (§§ 232 bis 233a StGB). In: *Interdisziplinäre Beiträge zur Kriminologischen Forschung*, 2022, vol. 53, 215 S. DOI: <http://doi.org/10.5771/9783748931386>.
9. Cockbain E., Bowers K., Dimitrova G. Human trafficking for labour exploitation: the results of a two-phase systematic review mapping the European evidence base and synthesising key scientific research evidence. *Journal of Experimental Criminology*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 319–360. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11292-017-9321-3>.
10. Healy A. E. Identifying victims of human trafficking across the island of Ireland: Who counts? Who's counting? Who wants to be counted?. *Criminology & Criminal Justice*, 2024. DOI: <https://doi.org/10.1177/17488958241252955>.